

Анатолий Оттович Эльснер-Коранский

Бес ликующий

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Э53

Э53 **Эльснер-Коранский А.**
Бес ликующий / Анатолий Оттович Эльснер-Коранский – М.: Книга по Требованию, 2024. – 205 с.

ISBN 978-5-521-39141-7

ISBN 978-5-521-39141-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I.

На обширномъ Волковомъ кладбищѣ одиноко стоящіе деревья, подъ порывами осенняго вѣтра, вздрагивали и гнулись, обдавая могилы крупными дождевыми каплями, точно слезами скрытаго въ природѣ опечаленнаго божества. Было сыро и холодно и по небу двигались неуклюжія темно-сѣрыя тучи.

Могилы шли правильными, непрерывными рядами съ узенькими между ними ровными дорожками, въ общемъ—настоящій городъ мертвецовъ.

Невысокій сутуловатый господинъ съ совершенно рыжей копной волосъ, выбивавшихся изъ-подъ полей шляпы, похаживалъ по узенькой дорожкѣ между могилами. Видимо кого то поджидая, минутами онъ пріостанавливался, поглядывая за ограду кладбища и потомъ снова начиналъ ходить, постукивая палкой по могиламъ съ глумливо-насмѣшливой улыбкой на губахъ. Въ движеніяхъ его сутуловатой фигуры, въ его беззвучной, легкой походкѣ, въ выраженіи лица—во всемъ было что-то хищное, коварное, подстерегающее—впечатлѣніе, вызываемое имъ, походило нѣсколько на то, которое производитъ видъ гіены. Въ головѣ его проносились такія мысли.

—„Мертвенькіе, мертвенькіе все... Воображаю, какъ много васъ тамъ господа дѣйствительные тайные, коллежскіе и просто канцелярскіе крысы, финансисты, купчики разные и всякая мелюзга—всѣ лежите рядкомъ, купаясь въ водѣ и иногда, вѣроятно, стучаясь лбами, какъ билліардные шары. Что же, ваше превосходительство, вы не крикните невѣждѣ столоначальнику: грубіянь, руки по швамъ... И даже курьеръ показываетъ вамъ костлявыми пальцами кукишъ... Да я вамъ не завидую, мертвенькіе, потому что живой собакой лучше быть, нежели мертвымъ львомъ, тѣмъ болѣе, что я самъ, Яшенька Амфилаховъ, надѣюсь еще сдѣлаться львомъ живымъ и помимо моей огненной гривы] приобрѣсть другую—львиную.

„Конечно, пока я человѣкъ маленький: одинъ невѣрный

шагъ—раздавать, какъ таракана, а потому я долженъ умѣть на свою натуральную рожу надѣвать футляръ добродѣтели и смиренія. Въ этомъ умѣніи—ключъ ко всѣмъ успѣхамъ на свѣтѣ...”

Господинъ съ рыжими волосами внезапно остановился, вглядываясь въ туманную даль по направленію къ оградѣ: за ней виднѣлась щегольская коляска съ выходящими изъ нея старикомъ и двумя дѣвушками въ траурѣ.

—Ба—пріѣхали!—ну, Мишенька Амфилаховъ, теперь будемъ молиться за упокоеніе души рабы божіей Анны.

Онъ быстро скользнулъ за рѣшетку, огибающую свѣжую могилу, и здѣсь остановился у памятника изъ бѣлаго мрамора, на вершинѣ котораго стояла статуя ангела, печаленно закрывшаго свое лицо крыломъ. Онъ посмотрѣлъ на ангела и подумалъ: „сей отрокъ, какъ я полагаю,—чиновникъ небесной канцеляріи по спасанію душъ, а вотъ и надпись. И онъ прочиталъ: „гдѣ вы—тамъ я была, гдѣ я—тамъ вы будете“.

„Будемъ—будемъ“;—подумалъ онъ—„совершенно неизбежное путешествіе къ господамъ червямъ“.

Между тѣмъ старикъ съ дѣвушками все болѣе приближался. Отступивъ шага на два отъ памятника, Амфилаховъ снялъ шляпу, поднялъ глаза къ небу и сталъ дѣлать большіе кресты.

Старикъ медленно шелъ, опираясь на палку, съ разсыпавшейся по его груди длинной бѣлой бородой, въ просвѣтѣ которой виднѣлся крестъ на красной лентѣ. Изчерно-бѣлыя брови низко нависли надъ его строго глядящими глазами, придавая его лицу—съ горбатымъ носомъ, толстыми губами и отвислыми щеками—выраженіе гордое и властное. Онъ былъ очень высокъ, но спина его согнулась и онъ шелъ низко опустивъ голову.

Обѣ дѣвушки шли съ такимъ же видомъ, склонивъ низко головы, надъ которыми развѣвался траурный крепъ. Одна изъ нихъ—высокая брюнетка, отличающаяся горделивой осанкой и правильно очерченнымъ матово-блѣднымъ лицомъ—шла, уставивъ къ низу глаза, надъ которыми опускались длинныя, черныя рѣсницы. Другая—невысокая дѣвушка, поминутно дѣлая рѣзкія движенія, посматривала по сторонамъ, на губахъ ея появились легкія гримасы и весь видъ какъ бы говорилъ, что ей крайне трудно сохранить такое чинное молчаніе. Завитушки ея свѣтлыхъ волосъ, выбиваясь изъ подъ полей шляпы, легкомысленно развѣвались по вѣтру вмѣстѣ съ чернымъ крепомъ, точно протестуя противъ мрачно вырисовывающихся памятниковъ.

Не доходя нѣкотораго разстоянія до рѣшетки, за которой

стоялъ и молился незнакомый господинъ, блондинка, которая пошла было впередъ, остановилась и воскликнула:

— Вотъ тебѣ и штука!...

Всѣ остановились.

— Признаюсь, совершенно неожиданный сюрпризъ. Вы видите, папа?.. Зоя, Зоя, смотри, этотъ господинъ молится на могилѣ мамы и, какъ кажется, плачетъ! Вотъ удивительно, даже сверхъ-удивительно—смотрите.

Какъ только она окончила эти шепотомъ произнесенные слова, изъ груди молящагося человѣка вырвался тяжелый вздохъ.

Старикъ и дѣвушки неподвижно стояли, глядя на него.

— Это поразительно, тихо проговорилъ старикъ съ улыбкой насмѣшливаго недоумѣнія, продолжая смотрѣть на незнакомца.

— Садитесь, дочки, какъ это ни странно, но не будемъ ему мѣшать.

Онъ опустился на камень и за нимъ его дочери.

— Да этотъ господинъ явленіе необычайное въ наше скептическое время,—насмѣшливо сказала блондинка, но ея сестра возразила, глядя на незнакомца.

— Ты, Рая, не совсѣмъ правильно смотришь: въ сущности всѣ люди должны бы молиться другъ за друга.

Младшая сестра, насмѣшливо глядя на незнакомца, качала головой и протянула:

— Ну, это положимъ...

Въ это время рыжій господинъ опустился на колѣни и громко вздохнулъ.

— Вотъ тебѣ и на!...

— Рая!—укоризненно воскликнула брюнетка, продолжая смотрѣть на рыжаго человѣка, и странно: выраженіе его лица и что-то загадочное и таинственное въ немъ одновременно пугало ее, увлекало и интересовало. Не умѣя объяснить себѣ это влеченіе къ некрасивому незнакомцу, она безсознательно заставляла себя думать о его нравственныхъ совершенствахъ.

— Я пораженъ какъ никогда, шепотомъ проговорилъ старикъ.

— Во всякомъ случаѣ этотъ человѣкъ—живая загадка: или плутъ, или совершенный голубъ въ душѣ... А лицо необыкновенное... совсѣмъ какъ святой... удивительно...

Упираясь подбородкомъ о палку, онъ сталъ внимательно

всматриваться въ незнакомца и насмѣшливая улыбка то исчезала, то снова появлялась на его губахъ.

— Да, я тоже полагаю, что этотъ человѣкъ или святой или большой пройдоха.

— Рая!— снова воскликнула брюнетка.— Какъ ни говори, но это очень трогательно видѣть незнакомаго человѣка молящимся на могилѣ нашей бѣдной мамы... Неправда-ли папа?

Старикъ, сидѣвшій съ опущенной головой, встрепенулся и, посмотрѣвъ на дочь, сказалъ:— „Вотъ что удивительно: я смотрю на этого незнакомца и мое горе мнѣ представляется такимъ большимъ“...

Слезы закапали на его руки и, желая скрыть лицо свое, онъ все ниже опускалъ голову, опираясь въ то же время рукой о палку.

— Онъ всталъ, папа,— сказала Раиса, глядя на незнакомца, который, поднявшись съ колѣнъ, снова вздохнулъ и, посмотрѣвъ на мраморнаго ангела, опустилъ голову, и вышелъ за рѣшетку. Онъ шелъ медленно съ лицомъ, которое казалось растроганнымъ, мимо старика и его дочерей. Всѣ на него смотрѣли съ большимъ любопытствомъ.

— Этотъ человѣкъ — исключительная личность, я убѣждена,— прошептала брюнетка, а старикъ, поднявшись съ мѣста, быстро направился къ незнакомому господину.

— Позвольте просить васъ объяснить намъ одно необычайное явленіе...

Незнакомецъ, какъ бы внезапно выведенный изъ глубокой задумчивости, сразу остановился.

— Объясните намъ это чудо.

— Какое? спросилъ Амфилаховъ и уставилъ свои глаза на старика, съ видомъ человѣка ничего не понимающаго въ суетныхъ дѣлахъ міра сего.

Въ свою очередь и старикъ улыбнулся иронической улыбкой, какъ бы говорившей: „какой же ты невинный барашекъ“, и сказалъ.

— Вы здѣсь молились на могилѣ моей жены и стояли на колѣняхъ— все это въ высшей степени удивительно.

Амфилаховъ чрезвычайно серьезно, съ кротостью человѣка не отъ міра сего, отвѣтилъ.

— Нисколько не удивительно, а напротивъ поступокъ самый обыкновенный.

— Для святого— очень возможно, но для современнаго че-

ловѣка поступокъ этотъ—совершенно выходящій изъ ряда вонъ подвиговъ.

— Не буду съ этимъ спорить.

Рыжій господинъ смиренно потупилъ глаза, а старикъ, осторожно дотрогиваясь до его плеча, но въ тоже время пристально и недовѣрчиво вглядываясь въ него, спросилъ.

— Скажите же пожалуйста, вѣдь вы не были знакомы съ моей покойной женой.

— Съ рабой Божіей Анной, какъ начертано тамъ на камнѣ—былъ.

Старикъ даже полураскрылъ ротъ отъ удивленія и только немного спустя воскликнулъ.

— Какъ это?

Амфилаховъ улыбнулся смиренной улыбкой и кивнувъ головой тихо проговорилъ.

— Всѣ чюди—родственники.

— Ба! воскликнулъ старикъ, удивленно глядя на незнакомца, и въ глазахъ его что то засмѣялось.—Вы однако философъ, и въ извѣстномъ смыслѣ можете быть это и такъ.

— Мы всѣ бѣдные люди—братья по страданію.

— Совершенная правда,—снисходительно сказалъ старикъ.—Вы, однакоже, какъ я вижу человекъ очень добрый.

— Поступокъ мой очень простъ, а причина его—здѣсь въ моемъ сердцѣ. Тамъ тайна жизни.

Амфилаховъ обѣ руки приложилъ къ груди и кротко улыбнулся.

— А... тайна вашей жизни... Тогда я все допускаю.

Онъ крѣпко сталъ пожимать руку рыжаго господина, не переставая въ то же время иронически улыбаться.

— Я—Юма Илларионовичъ Горпуновъ—и вы можете быть обо мнѣ слышали...

Амфилаховъ вытянулся, какъ бы въ чувствѣ почтительности, внезапно охватившей его.

— Имѣлъ честь слышать и очень много.

— Да, я бывший дѣятель и слуга отечества... а вы?

— Яковъ Аристарховичъ Амфилаховъ.

— Служите гдѣ нибудь?

— Столоначальникъ.

— Что? воскликнулъ старикъ, подымая голову, и бѣлыя брови его опустились надъ глазами.

— Чиновникъ и даже могу сказать...

— Кто?

— Коллежскій ассесоръ.

— Вотъ какъ!.. Это удивительно.—Столоначальникъ и такой набожный. Ха-ха! Въ Россіи тысячи столоначальниковъ, но вотъ удивительно, представьте: между ними ни одного такого, какъ вы.

Амфилаховъ, ничего не отвѣчая ему на это, шелъ рядомъ со старикомъ между могилами, такъ осторожно поддерживая его подъ руку, точно боялся, что онъ сейчасъ упадетъ и разобьется. Послѣ нѣкотораго молчанія онъ вздохнулъ и сказалъ.

— Какое глубокое изрѣченіе: „гдѣ вы—тамъ я была, гдѣ я—тамъ вы будете“. Въ самомъ дѣлѣ если всѣ покойники были тамъ, гдѣ мы теперь, а мы всѣ отправимся туда, гдѣ они, то не одинаково ли горестенъ жребій людской?

— Вы совершенно правы,—сказалъ старикъ и прислушиваясь къ страннымъ словамъ необыкновеннаго чиновника, онъ все дальше шелъ по аллеѣ, отдаляясь отъ дочерей.

— Зоя, какъ тебѣ все это нравится?

Высокая брюнетка поднялась съ камня съ чрезвычайно серьезнымъ лицомъ. Между черными бровями ея образовалась глубокая морщинка, показывающая, что въ головѣ ея происходитъ глубокая работа. Отвѣчая сестрѣ, она сказала.

— Идеальная личность—я не сомнѣваюсь.

— Мнѣ же кажется наоборотъ, что онъ...

— Кто же онъ по твоему мнѣнію?

— Большой плутъ,—сказала она, разсмѣявшись.

— Рая, если ты такого мнѣнія о немъ, то прошу тебя не будемъ о немъ говорить.

Она пошла по дорожкѣ, желая догнать отца и незнакомца, негодуя поглядывая на сестру и постукивая концомъ зонтика о землю.

— Ты сердисься, Зоя, совершенно напрасно, увѣряю тебя.

— Ты страшно легкомысленна, проговорила брюнетка, продолжая идти впередъ... Вдругъ она испуганно остановилась: за деревомъ стояли два неизвѣстныхъ человека, которые повидимому прислушивались къ ихъ разговору.

— Рая, идемъ скорѣе,—тревожно воскликнула высокая дѣвушка и, взявъ сестру за руку, быстро пошла по тропинкѣ. Скоро онѣ стали идти сзади отца и незнакомца, продолжавшихъ разговаривать между собой.

— Вы, какъ я вижу, немножко простенькій для нашего вре-

мени, человѣкъ, такъ сказать, не отъ міра сего. Чтожъ ничего... Кстати, вотъ мои дочери. Зоя, поди къ намъ.

Амфилаховъ снялъ шляпу и, быстро приблизившись къ молодой дѣвушкѣ, сказалъ, ласково улыбаясь и въ тоже время проникательно всматриваясь въ ея глаза:

— Я очень счастливъ, если окажете мнѣ такую честь.

Высокая брюнетка стояла предъ нимъ съ лицомъ, залившимся яркимъ румянцемъ, и губы ея чуть-чуть раскрылись при этомъ въ привѣтливую улыбку. Пожимая ея руки и всматриваясь въ ея лицо. Амфилаховъ невольно подумалъ: „вотъ гдѣ будемъ удить“. Въ глазахъ его сверкнуло что-то, и прежнее выраженіе смиренія какъ то соскользнуло съ его лица, точно занавѣсъ, который, взвившись къверху, открылъ сцену съ сверкающей въ его глубинѣ пастью волка. Къ счастью для него онъ сейчасъ же съ шутливымъ смѣхомъ быстро проговорилъ:

— Я человѣкъ маленький и скромный и, ради Бога, вы на меня такъ и смотрите—какъ на самого простого и добродушного человѣка.

— О еще бы, еще бы!—воскликнула дѣвушка, и Амфилаховъ хотѣлъ было представиться и ея сестрѣ, какъ послѣдняя со смѣхомъ на губахъ, проходя мимо него, подала ему руку, бойко проговоривъ:

— Будемъ знакомы пожалуй... въ добрый часъ...

И она крикнула отцу:

— Не пора ли намъ прекратить эти кладбищенскія приключенія и поѣхать домой?

Они вышли изъ воротъ и направились къ экипажу, какъ вдругъ изъ-за угла показалась волнующаяся толпа рабочихъ. Дѣвушки испуганно остановились и за ними старикъ.

— Что это—бунтъ?—вскричалъ сановникъ, глядя на Амфилахова.

— Ахъ ваше-высокопре-во, несчастья этой войны заставляютъ чернь подымать голову... крамола растетъ въ особенности на этихъ ужасныхъ фабрикахъ...

Въ этотъ моментъ толпа людей, съ краснѣющими надъ головами флагами, идя прямо на нихъ, громко запѣла:

„Вставай подымайся рабочій народъ!“

— Въ экипажъ!—кричалъ рыжій господинъ, но было уже поздно.

— Товарищи, стойте,—раздался громкій голосъ.—Вотъ старикъ съ крестомъ...

Предъ Герпуновымъ стоялъ высокій человѣкъ, который съ нервной дрожью въ исхудаломъ лицѣ вскричалъ:

— Ты старикъ носишь крестъ на шеѣ въ то время, какъ въ Манчжуріи разбросаны кости нашихъ братій. Старикъ, тебѣ надо не на шеѣ носить золотой крестъ, а на спинѣ—деревянный, какъ несъ его Христосъ. Тогда не было бы крестовъ на могилахъ въ Азіи...

— Правда!—закричала толпа.

— Возложимъ на него деревянный крестъ, товарищи, и поведемъ по городу.

Бюрократъ стоялъ съ неподвижностью столба въ чувствѣ изумленія и ужаса. Вдругъ между нимъ и рабочими появился рыжій человѣкъ съ руками, воздѣтыми къверху, съ лицомъ выражающимъ смиреніе и покорность, и закричалъ:

— Братья мои, человѣка этого оставьте, а меня распните... Сдѣлайте деревянный крестъ и возложите его на мою спину, терновый вѣнецъ—на мою голову и ведите меня по городу.

Толпа какъ бы окаменѣла въ чувствѣ изумленія, а Амфилаховъ, шепнувъ дѣвушкамъ, чтобы онѣ сѣли въ экипажъ, продолжалъ:

— Вы колеблетесь, потому что не знаете, что я истинный мученикъ за правду и заслуживаю креста... Что же вы не берете меня?.. Пилата нѣтъ, а распинателей много...

Онъ незамѣтно приближался къ экипажу и, продолжая говорить, сталъ на его подножку. Лошади тронулись и побѣжали рысью, а Амфилаховъ закричалъ толпѣ:

— Ищите же правду и, когда найдете, придите показать ее мнѣ.

Лошади мчались.

— Вы—необыкновенный человѣкъ, Яковъ Аристарховичъ, необыкновенный,—проговорила Зоя, съ восторгомъ глядя на ихъ общаго избавителя.

Между тѣмъ на кладбищѣ стояли два господина. Одинъ—гигантскаго роста съ маленькой головой на широкихъ плечахъ и съ краснымъ лицомъ и другой—тщедушный и тоненькій—съ лицомъ очень блѣднымъ, на которомъ рѣзко выступалъ тонкій съ горбиной носъ и тонкія, точно нарисованныя брови съ торчащими между ними стрѣлками волосъ: при малѣйшемъ волненіи молодого человѣка онѣ начинали безпокойно двигаться и свѣтлые глаза тревожно бѣгали и сверкали. Высокій господинъ былъ одѣтъ въ широкополую шляпу и пиджакъ, отъ котораго,

развѣваясь по вѣтру, отдѣлялись тоненькія ленточки. Его товарищъ имѣлъ болѣе приличное платье—полинялое пальто и мѣховую шапку. Въ рукахъ его былъ карандашъ и бумага, на которой онъ дорисовывалъ что-то.

— Покажи ка, Юра.

Съ этими словами гигантъ взялъ изъ рукъ своего товарища рисунокъ и сталъ его разсматривать.

— Ба!—да онъ у тебя какъ живой. Молитвенная рожа и дьявольская одновременно—штука, дающзся только таланту, и я позволю себя повѣсить, если ты не геній.

Онъ отдалъ рисунокъ и продолжалъ:

— А каковъ гусь—этотъ господинъ съ огненной копной волось, Юра—а? Я думаю, онъ хитрѣй чорта, и назови меня послѣднимъ осломъ, если эта божія овца не перегрызетъ горло старикъ и его дочкамъ. Ахъ, мошенникъ! Юра, да вѣдь онъ художникъ своего рода, чортъ побери, какъ мы съ тобой, только мы на полотнѣ, невинно я такъ кистью, а онъ подлецъ самолично воспроизвелъ изъ себя христосика... Идея Юра!..

Онъ ударить себя по лбу ладонью руки съ такимъ видомъ, точно тамъ скрывался кладъ и онъ спѣшалъ выложить его.

— Вотъ идея... Самое низкое и подлѣйшее, когда вырастаетъ до гигантскаго, дѣлается величественнымъ. Колоссальная низость величава, мелкая—мерзка. Ты не вѣришь? Скотина ты послѣ этого.

Сдѣлавъ это неожиданное заключеніе, онъ схватилъ своего товарища за шею и закричалъ.

— Подлецъ, какъ же ты не соглашаешься? Величайшая низость—это талантъ, искусство, умъ и потому красиво. Въ средніе люди, которыми какъ разъ и наполненъ міръ—сѣренькая шваль. Ненависть, жестокость, предательство—одно, великодушіе, любовь—другое. Гиганты это, Юра, съ головъ которыхъ подымается пламя къ небесамъ. Нѣтъ, ты пойми, о чемъ я... Скоро въ Россіи хаосъ будетъ... Запахъ крови съ полей Манчжуріи опьяняетъ насъ... Вырастаютъ люди въ облакахъ сѣры, дыма и смрада и это гиганты низости, предательства, жестокости, великодушія, самоотверженія. Въ пламени огня подымаются они... Какъ это хорошо. На этой землѣ должны ходить гиганты и бороться между собой, гиганты, Юра, съ головъ которыхъ подымается пламя къ небесамъ. Колоссальное преступленіе красиво и поэтично.

— Неужели большое преступленіе поэтично? спросилъ то-

ненькій господинъ, тревожно всматриваясь въ гиганта своими свѣтлыми, какъ стекла, глазами.

— Какъ же ты не знаешь этого? а еще художникъ. Вообрази человѣка съ бомбочкой въ рукѣ... Жизнь и земля—подъ нимъ: онъ выше ихъ, потому что его духъ уноситъ къ звѣздамъ. Онъ—самоотверженіе, любовь, поэзія...

— Это хорошо,—задумчиво проговорилъ тоненькій господинъ, неподвижно глядя въ пространство.

— Конечно, хорошо. Знаешь ли что, Юра, давай ка съ тобой убьемъ когонибудь...

Тоненькій человѣкъ вздрогнулъ и сталъ неподвижно смотрѣть на гиганта. Потомъ онъ повернулся и пошелъ по аллеѣ.

— Ха-ха-ха!—захохоталъ гигантъ.—Бездарный ты человѣкъ, Юра,—вотъ и все, а бездарность и трусость одно и тоже.

— Даровитые люди ничего не боятся?

— Конечно ничего... а гениальныя заливаютъ міръ кровью. Зато посмотри на сѣренькую шваль: скорѣй умретъ, нежели переступить черезъ паутину предразсудковъ.

Оба они, выйдя изъ кладбища, долго шли по разнымъ улицамъ. Надъ Петербургомъ продолжали двигаться какіе-то грязно-сѣрыя тучи, изъ которыхъ безостановочно падали мелкія капли дождя. Вдоль улицъ засверкали огоньки фонарей. Пѣшеходы, всюду блуждающіе по тротуарамъ, казались какими-то желто-сѣрыми, жалкими и измученными.

Гигантъ неожиданно захохоталъ злымъ смѣхомъ.

— Чего ты смѣешься?

— Да ты смотри, смотри, Юра, какъ они все бѣгаютъ и шевелятъ усами, и вообрази: все страшно озабочены своими паршивыми дѣлишками и полагаютъ, что все это страшно важно и что они сами—человѣчины, порожденные волей божества. Ха-ха-ха!.. Паршивцы—сморчки—швалы..

Произнеся эти слова и остановившись на мѣстѣ, гигантъ злобно посматривалъ на проходящихъ пѣшеходовъ.

— Чего ты ругаешься, Гиргатовъ?

— Да какъ же, Юра, вѣдь люди паршивцы и, смотри, разбѣгаются совершенно, какъ муравьи... а вѣдь подъ черепомъ бродятъ самозванные мысли—вотъ что досадно. Воображаютъ, что съ небесъ смотреть на нихъ око....

Они проходили мимо фабрики, около которой стояла толпа. Вдругъ гигантъ закричалъ:

— Товарищи!..